

Как видим, слова каждого из описанных словообразовательных типов в русском языке эквивалентны нескольким типам соответствий в белорусском языке. Это фактически номинативные типы, созданные по единой модели. Среди этих типов могут быть лексические единицы, относящиеся к тому или иному словообразовательному типу, или аналитические номинанты. К примеру, номинативному типу русских глаголов, образованных по модели «префикс *при-* + мотивирующий глагол» (а) *приварить*, б) *принажать*, в) *принагнуть*) в белорусском языке соответствуют: а) номинативный тип глаголов, образованных по той же модели (*прыварыць*); б) номинативный тип глаголов, образованных по модели «префикс *пад-* + переведенный на белорусский язык мотивирующий глагол» (*паднаціснуць*); в) номинативный тип словосочетаний, образованных по модели «*трохі (крыху) + переведенный на белорусский язык мотивирующий глагол*» (*трохі (крыху) нагнуць*). Все эти номинативные типы объединяет семантико-словообразовательное поле «совершить действие с незначительной интенсивностью».

Тип белорусских аналитических номинантов занимает одно из центральных мест во всех рассмотренных случаях. Это место определяется не только количественными показателями, но и субститутивными возможностями типа: при необходимости он может заменить все остальные в пределах каждого из пяти представленных здесь словообразовательных типов слов при переводе их на белорусский язык.

Сравнивая средства выражения словообразовательных значений в рассмотренных словообразовательных типах, можем сделать вывод о том, что белорусский язык в этих микросистемах в значительной мере проявляет аналитизм, в то время как русский вполне может обходиться синтетическими номинантами.

¹ В русско-белорусском словаре белорусские слова, соответствующие русским словообразовательным формантам (в данном случае *трохі*), даются в скобках. Мы же, учитывая, что «основным принципом перевода русских слов в словаре является установление наиболее точного белорусского эквивалента для каждого слова и его значения» (с. 9 Словаря), эти скобки опускаем.

² См.: Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Мн., 1985. С. 57.

Е. А. ШЕДЬКО

ЗАИМСТВОВАННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ОБУВИ В ОСТРОВНЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ БЕЛОРУССИИ

В говорах шести русских селений Жлобинского района Гомельской области зафиксировано 37 наименований различных видов обуви. Среди них одну треть составляют лексемы, нерусские по своему происхождению. По показаниям этимологических словарей, часть их из французского (*ботінки, гало́ши, камáши, гётры*), немецкого (*кало́ши, ту́фли*), тюркских (*ба́шмакí, сапо́гí, че́боты*) языков. Известны также польск. *бо́ты* и греч. *сандáлии*. Следует отметить, что два из названных заимствованных слов — *камáши, гётры* — имеют в говорах диалектные значения. В данной статье мы рассмотрим наименования обуви на деревянной подошве — *клéмпы* и *абíяки*.

По свидетельству этнографов, дерево в качестве материала для изготовления обуви у восточных славян почти не употреблялось, в противоположность народам Западной Европы, у которых было распространено кошение деревянных башмаков¹. В частности, «в Белоруссии обувь из дерева бытовала на очень незначительной территории под названиями «чу́ні», «дзеравяні́кі», «дзеравяшкі». «Дзеравяшкі» были либо полностью выдолблены из дерева, либо с кожаным верхом на деревянной подошве. Носили эту обувь только весной и осенью в грязь»².

В русских говорах Жлобинского района Гомельской области для обуви на деревянной подошве зафиксированы, как уже сказано, лексемы

абія́кi и *клѹ́мпы*. Представители старшего поколения рассказывают, что их деды носили клумпы, которые были и повседневной, и праздничной обувью для мужчин. Лексема *клѹ́мпы* и ее многочисленные фонетические варианты довольно широко известны в белорусских говорах: *клѹ́мпи*, *клѹ́мпы*, *клѹ́мбы*, *клѹ́мбы*, *клѣ́мбы*, *клѣ́мбы*, *клѣ́мпы*, *клѣ́мны* 'деревянная обувь на деревянной подошве' (Словарь белорусских говоров северо-западной Белоруссии), *клѹ́мбы* 'деревянные туфли' (Белькевич), *клѹ́мпы* 'деревяшки' (Жидович), *клѹ́мпы* 'обувь на деревянной подошве' (Шешкович), *клѣ́мбы* 'обувь на деревянной подошве' (Мат. Могилевщины), *клѹ́мба* 'сапог с деревянной подошвой' (Касперович). Из русских говоров наименование *клѹ́мпы* отмечено в переселенческих говорах Литвы (СРНГ). Картотека Псковского областного словаря (Ленинград) содержит слово *клѹ́мба* 'обувь с кожаным верхом на деревянной подошве'. С тем же значением в «Словаре говора старообрядцев, проживающих в Польше», находим *клѹ́мпу*. Следует отметить, что русские говоры Литвы и русские говоры Польши являются псковскими по своему происхождению³. В польском языке это слово также является диалектным. Оно зафиксировано в вариантах *klompie*, *klumpie*. Это наименование в том же значении известно литовскому и латышскому языкам, которые, в свою очередь, заимствовали его из немецкого (Словарь балтизмов). Ю. А. Лаучюте считает лексему *клѹ́мпы* балтизмом в белорусском, польском, русском языках⁴. Этой точки зрения придерживаются составители Этимологического словаря белорусского языка. Академик Ф. П. Филин считал, что «пестрота в фонетическом облике слова — одно из важных свидетельств в пользу того, что мы имеем дело с заимствованием»⁵.

Если название *клѹ́мпы* в пределах белорусского языка является заимствованием из балтийских языков, то сложнее решить вопрос о том, каким путем оно попало в словарный состав русских говоров Жлобинского района Гомельской области. Отсутствие исторических сведений о времени поселения русских жителей в этой местности Белоруссии и путях их миграции сюда не позволяет ответить на этот вопрос однозначно. Бытовая реалья «клумпы» вместе с ее обозначением могла быть усвоена предками современных русских обитателей Жлобинского района в пору пребывания на своей исконной псковской территории, но не исключено и появление этой реалии и ее наименования у них уже в период поселения на белорусской земле, из обихода и речи соседей — белорусов.

Другим названием обуви на деревянной подошве в исследуемых русских говорах является лексема *абі́якi*. По сведениям, полученным от русских жителей деревни Борщевка, такую обувь носили мальчики-подростки. Изготавливали ее следующим образом: к вырезанной из дерева подошве прикрепляли куски телячьей кожи.

Наименование *абі́якi* в том же значении известно минско-молодечненским (Жидович), гродненским (Шешкович), брестским (Брестчина) говорам. При этом Словарь минско-молодечненских говоров фиксирует для данной лексемы и другое значение — 'сапоги на деревянной подошве'. Словарь белорусских говоров северо-западной Белоруссии отмечает, что в Волковысском, Мостовском, Сморгонском, Лидском районах для обуви на деревянной подошве наряду с названием *абі́якi* применяется другое — *абля́кi*. Приведенные словарем примеры свидетельствуют о том, что *абі́якi* носили мужчины.

В использованных нами русских лексикографических источниках это наименование отсутствует. Лишь в переселенческих русских говорах Белосточкины *абі́якi* представлено с той же семантикой (Грек-Пабисова). Но это наименование усвоено русскими поселенцами из окружающих польских диалектов. О наличии его в Августовском районе Белостокского воеводства свидетельствует «Słownik gwar polskich» Я. Карловича. В этом словаре даны однокоренные *obją́ki*, *obją́nce* 'обувь в виде башмаков с деревянными подошвами, к которым прибавляются гвоздями ременные задники и перед'.

В пределах польского языка это название является диалектным, о чем

свидетельствуют данные «Słownika języka polskiego» В. Дорошевского, в котором для лексемы *obiak* приведены три значения, при этом ни одно из них не связано с обувью: 1) 'деревянный молот либо палка, используемые в кузнечном деле, бондарстве, земледелии для обивания, отбивания чего-либо'; 2) 'прикрепленная к рукоятке цепа палка, служащая для обмола'; 3) 'большой деревянный столярный молоток, служащий для нанесения ударов по долоту'. Большой польско-русский словарь переводит *obiak* русским *колотушка*. Таким образом, рассматриваемое название обуви является диалектным в пределах белорусского и польского языков.

В лингвистической литературе отсутствует единое мнение о появлении лексемы *abijaki* в белорусских говорах. Этимологический словарь белорусского языка представляет две версии. Согласно первой, данное слово образовано от глагола *bić* (а-бий-ак), но более достоверной считается гипотеза В. Н. Чекмана. Он видит здесь кальку с литовского *arūštiniai*, *arūštinės* 'клумпы, деревянная обувь, обитая кожей', дословный перевод литовского слова 'обитые'⁶. Однако утверждение о калькировании белорусскими говорами литовского слова не представляется нам бесспорным.

Таким образом, изоглосса этого наименования деревянной обуви распространяется с запада на восток, начиная от польских говоров Белосточчины, переходит на белорусскую территорию, где захватывает гродненские, столбцовские, молодецкие и березинские говоры; известна эта лексема и брестским говорам.

Польские, белорусские, литовские земли долгое время находились в составе единого государства — Речи Посполитой. Имея культурные, экономические, хозяйственные связи с поляками, белорусы могли перенимать польские предметы быта, некоторые элементы одежды, обувь. Появление в крестьянском обиходе обуви из дерева вызвано, вероятно, тесными контактами с польским населением.

Из островных русских говоров Белоруссии существительное *абияки* отмечено в Жлобинском районе Гомельской области. Помимо обуви на деревянной подошве, русские жители Жлобинского района этим словом называют валенки, а также любую обувь: **Абияк** — вóбуў, вáленки, на их калошы надявали (Александровка);

Абияки — э́ць то, што но́сют на на́гах: сапагі, т́хлі. Как приде́т висна́, з́имний **абия́к** з́ьнэ́шў н́ь чирда́к (Борщёвка).

Существуют две различные возможности появления этой лексемы в исследуемых говорах, сходные с теми, которые мы называли, рассматривая слово *клумпы*. Во-первых, название *абияки* могло употребляться в речи русских старообрядцев до их переселения с исконных псковских земель на территорию Гомельской области. Эту точку зрения подтверждает отсутствие данного слова в близких к Гомельщине белорусских говорах. Наличие у лексемы *абияки* нескольких значений, хотя и близких друг другу, может свидетельствовать о ее давнем существовании в исследуемых говорах.

Во-вторых, не исключается и возможность заимствования данного наименования во время пребывания русских переселенцев на белорусской земле. Подтверждением второй точки зрения может служить значительное распространение этого названия обуви на деревянной подошве в пределах белорусских говоров. Показательно также отсутствие слова *абияки* в Словаре русских народных говоров.

Так называемая бытовая лексика сравнительно легко поддается иноязычному влиянию. А. Ф. Манаенкова считает, что в речи русских старообрядцев Ветковского и Добрушского районов Гомельской области белорусские лексемы связаны с постройками и их частями, одеждой, питанием, средствами передвижения, домашними животными, огородными растениями, окружающей природой, т. е. это слова, не выходящие за пределы повседневной крестьянской жизни.

Таким образом, независимо от времени и места появления этого ви-

да обуви и его наименований у предков современных русских жителей Жлобинского района Гомельской области оба рассмотренных слова выступают как совершенно очевидные заимствования.

¹ См.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 714.

² Беларускае народнае адзенне. Мн., 1975. С. 73.

³ Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdańsk, 1980. С. 5; Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 133.

⁴ См.: Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. С. 30, 31.

⁵ Филин Ф. П. О названиях обуви в русском языке // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. 6. С. 170.

⁶ См.: Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1978. Т. 1. С. 50.

Сокращения

Белькевич — Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мн., 1970; **Брестчина** — Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мн., 1989; **Грек-Пабисова** — Grek-Pabisowa J., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdańsk, 1980; **Жидович** — Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / Пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мн., 1970—1977; **Касперович** — Каспяровіч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927; **Мат. Могилевщины** — Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мн., 1981; **Словарь балтизмов** — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—1977; **Стешкович** — Сцяшковіч Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мн., 1983.